Меня притягивают люди, которые пережили драму

Анна АРТЕМОВА

Гудок. Подписной индекс 50019

Авторская программа Виталия Вульфа «Серебряный шар» выходит на ОРТ уже пять с лишним лет. Зрители заворожено слушают истории про знаменитостей, о которых рассказчик, кажется, знает все. И неважно, был он знаком с ними лично или нет, — Вульф рассказывает о них как о старых знакомых. Другие рассерженно плюют — как правило, это сами «люди искусства», которым кажется, что автор нарушает все законы жанра, превращая их биографии в околославные сплетни.

— Существуют ли сценарии ваших рассказов?

— Нет, надо просто быть в материале, надо очень хорошо знать, о чем говоришь. Тогда ты сможешь совершенно свободно себя чувствовать без бумажек.

— Вы один из немногих людей на телевидении, которые так работают.

— На съемках самая большая сложность в том, чтобы сделать второй дубль, если это необходимо. Это тяжело, потому что я никогда не повторяюсь. И не помню, где я начал текст, откуда пришел, где остановился... Поэтому моя съемочная группа знает, что, если меня остановить словами «Сделаем второй дубль», пойдет совершенно другой разговор.

— В вашем новом цикле-трилогии «Расплата» вы выбрали удивительное сочетание героев — Троцкий, Цветаева и Горький. Чем такой выбор обусловлен?

— Для меня в истории, в политике, в искусстве всегда интересны судьбы. Меня притягивают люди, которые пережили определенную драму. Почему, скажем, заинтересовал Троцкий? У Троцкого была трагическая судьба. Это человек, который основал советское государство вместе с Лениным. Первый председатель Петроградского со-

вета депутатов трудящихся, первый нарком иностранных дел. И первый лозунг, который был в России, — «Великие вожди революции Ленин и Троцкий». Если бы он умер, скажем, в 27-м, у нас был бы еще один мавзолей. И памятники его повсюду. Но Сталин его ненавидел, имя его было вычеркнуто из истории, и 70 с лишним лет нас учили, что он фашист, наймит, агент. Погибла его семья. И я решил сделать цикл о том, как семья платит за ошибки хозяина дома.

— Все мы платим за свои убеждения и ошибки.

— А тут платят родные, семья. Вторая серия — это Цветаева и Эфрон. Гибель Эфрона — известный факт, но много будет и неизвестного. И третья — Горький и баронесса Будберг.

...Очень нелегко находить персонажей по линии искусства с учетом той планки, которой я достиг. Наши актеры, о которых я делал передачи — Олег Ефремов, Татьяна Доронина, Алла Демидова, Марина Неелова, Татьяна Лаврова, Евгений Урбанский, Валентин Гафт, — это все крупные личности. Таких немного. И западных звезд тоже немного. Ведь меня — да и публику тоже — меньше всего интересует, где и что игралось. Вспоминать имена режиссеров, фильмы, в которых играла, скажем, Марлен Дитрих, — это же информация, интересная для очень узкого круга людей. А меня слушают миллионы.

— И каждый персонаж у вас описан с любовью. Как это получается?

— А я вообще добрый человек по природе. На тех людей, которые испытывают зависть ко мне, злбу, я никогда не держу зла. Недавно, например, прочел, как один известный кинокритик написал, что «невозможно было смотреть, как Вульф пел панегирики Фурцевой. Неужели он думает, что это несъедобное варено можно смотреть?». А передачу о Фурцевой посмотрело огромное количество людей, у программы был колоссальный рейтинг. Там не было панегириков, а

были очень разные оценки. Ну, спрашивается, зачем же мучиться? Выключи телевизор или переключи на другой канал. А человек, даже злобно по отношению ко мне настроенный, смотрит и не выключает. Значит, интересно?

— Вас неоднократно пародировали.

— К этому я вообще легко отношусь. Это признак популярности.

— О ком тяжелее делать программу — об ушедших личностях или о живых?

— О живых. Потому что — это масса обижаящихся.

— Вы думаете об этом, когда делаете программу?

— Думаю. Все равно обижаются. Но правда важнее.

— И ради нее вы все равно идете на риск обидеть человека?

— Если я решил делать, я сделаю.

— А были случаи, когда после передачи герои с вами не разговаривали?

— Да. Доронина например. Хотя я сделал передачу из любви к ней. Гафт. Мы с ним очень дружили — а после передачи вообще не общаемся.

— Не жалеете?

— Отнюдь. Если так легко можно разойтись в стороны, значит, отношения были ненастоящие.

— Сейчас исторические жизнеописания — вообще популярный жанр на телевидении. Вот Радзинский...

— Я много, очень много могу сказать... Но о коллегах не говорю ни плохого, ни хорошего.

— Я заметила, что одна из ваших любимых отрицательных характеристик человека — «бездарный».

— Да. Когда человек занимается искусством, он должен быть талантлив, он не может быть бездарным. Бездарность — это уже не искусство.

— Что не любите в людях — уже понятно. А что цените?

— Тонкость душевную. Когда не нужно слишком много говорить, чтобы человек тебя понял.